№ 6 (10)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

ЕРЕВАН 2020

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

6 (10)

ԵՐԵՎԱՆ 2020
ЕРЕВАН 2020
YEREVAN 2020

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №6 (10). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2020. – 202 с.

ISSN 1829-4820

Журнал входит в список периодических изданий ***ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

РАССКАЗ ЭДГАРА ПО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Наталия Кареновна Гончар-Ханджян
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

К.ф.н., доцент,
доцент кафедры зарубежной литературы
Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

В данной статье малоизвестный рассказ представителя американского романтизма XIX века Эдгара Аллана По «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром» рассматривается с интертекстуальной точки зрения, а именно, как текст-палимпсест, служащий экспериментальным полигоном для выражения и сублимации танатофобии самого автора. Проводятся параллели с современной научной теорией, посвященной исследованиям смерти.
Ключевые слова: Эдгар По, танатология, месмеризация, эксперимент, таинство жизни и смерти, пророческие рассказы.

В глобальном общечеловеческом мифе тема смерти и посмертных переживаний играет ведущую роль. Культурное наследие древних цивилизаций отразило тему смерти в наскальной живописи и – позднее – в сводах египетской «Перт эм хру», тибетской «Бардо Тходол», «Керамическом кодексе» и «Кодексе Борджиа» майа и ацтеков, в мифологии Древнего Китая и Греции. Тесно связанный с мифом о рождении и возникновении жизни и всего живого, танатологический миф дает представление о переходном состоянии души, измененном, но не конечном ее воплощении.

В современном секуляризированном мире, где само понятие смерти девальвировано в результате глобальных войн, кризиса современного сознания и экологической катастрофы, оно теряет свое сакральное наполнение, нарушается тандем рождение/смерть, на котором базировались древние мистические учения, из табуированной темы становится «субъектом» постмодернистского гипертекста в литературе и кино, предметом научного эксперимента в мультикультурных исследованиях.

«Исследования смерти» (death studies), или танатология, дает возможность считать достижения в теории и практике экзистенциальной психологии более обоснованными и всеобъемлющими. Работам Германа Фейфеля, давшего первый мощный толчок старту междисциплинарных исследований в области танатологии, предшествовал призыв нобелевского лауреата Ильи Мечникова к сугубо научному подходу к проблеме смерти, необходимому для «блага человечества» (Об этом см. подробнее: Мечников И. Этюды о природе человека // https://royallib.com/author/mechnikov_ilya.html (дата обращения: 31.01.2020), получивший дальнейшее разрешение в программе Спин Гроув на базе исследований Станислава Грофа в области холотропных состояний сознания, опирающихся на мистические переживания – вплоть до «клеточного уровня» [6: 35].

Таким образом, именно научная мысль, несмотря на свою экспериментальную «прозрачность», возвратила смерти ее сакральное содержание. Если современный пост-модернистский роман представляет собой опытный полигон, созданный с учетом новейших научных достижений, в частности, в области психологии, как и ее сегмента – танатологии, то сама «наука о смерти», в свою очередь, получает интертекстуальное содержание посредством мифологических и литературных реминисценций. И здесь отдельное место отводится некоторым рассказам Эдгара По, в рамках литературы создавшего все предпосылки для будущего научного эксперимента.

Еще древнеримская литература дает примеры научно-аналитического взгляда на смерть. Кумская пророчица Амалфея, обращенная, по преданию, в прах и заточенная в бутылку, жаждет смерти, в которой ей отказано. Этим образом «живого» мертвеца, не находящего «ни успокоения в смерти, ни об-

новления в воскресении», Т.С. Элиот предваряет свою символическую поэму «Бесплодная земля» [12: 163].

Состояние мифической сивиллы подобно, если прибегнем к формулировкам французского мыслителя Мориса Бланшо, «проклятию существования, объединяющего в себе смерть и бытие, не будучи при этом ни тем, ни другим» [2: 70]. Античная легенда о кумской сивилле, являющаяся, возможно, фантазией завравшегося Тримальхиона из «Сатирикона» Петрония и становящаяся метафорой жизни как процесса умирания для Элиота, не беспочвенна. В своей книге «Танатология – наука о смерти» [8: 17–19) С. Рязанцев говорит о новейших исследованиях, установивших, что смерть – это постепенная эволюция организма с вероятной долей обратимости, так сказать, *особый род существования*, когда до 39-го дня (на 39-ый день регистрируется последний значительный мозговой сигнал) тело сохраняет определенную электрическую активность и, следовательно, под воздействием суггестивных методов внушения (месмеризация, гипноз) способно подняться и двигаться. Но если допустимо и то, что «после смерти живых существ дольше всего живет та часть их телесного состава, которая называется словом» [9: 179], то свидетельства трупа недавно усопшего из одной из вставных новелл «Золотого осла» Апулея возможно реальны, а не фантастичны.

Обратимся теперь к рассказу Эдгара По «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром», т.е. «правда» о том, как благодаря месмеризации (предшествовавшей современному гипнозу) в течение «почти шести месяцев» поддерживался гипнотический контакт с трупом. Мосье Эрнест Вальдемар, сам будучи человеком образованным (составитель «Судебной библиотеки и переводчик на польский “Валленштейна” и “Гаргантюа”») и зная о близкой своей кончине, добровольно соглашается принять участие в эксперименте своего ученого друга-гипнотизера, пытающегося выяснить, подвержен ли человек месмерическому воздействию in articulo mortis, т.е. в состоянии агонии [См.: 11: 361]. Месмерическое воздействие оттянуло ожидаемый момент смерти, что возбуждает чрезмерное любопытство медиков, находившихся при больном и должных «освидельствовать» труп мосье Вальдемара. Тело послушно реагирует на гипнотические пассы, чего не удавалось раньше, при жизни Вальдемара, и между экспериментатором и трупом возникает

«месмерический rapport» (Термин этот, используемый По, является одним из ключевых понятий в современной НЛП и означает отношения доверия и взаимопонимания между контактерами). Но попытка завести разговор приводит к тому, что мосье Вальдемар умоляет не будить его и дать умереть.

У Апулея читаем: «... и поднялся мертвец, и заговорил юноша: – Зачем, скажите мне, зачем вкусившего уже от летейских чаш, уже по стигийским болотам плывшего, к делам мимолетной жизни возвращаете? Перестань же, молю, перестань, и меня к покою моему отпусти! – вот что сказал голос, исходивший из тела» [1: 132]. Страдания, на которые персонажей Апулея и По обрекают возвращающие их ненадолго к жизни, объяснимы в свете тезиса М. Бланшо, утверждающего, что «умирая, мы одновременно покидаем и мир, и смерть» [2: 61], в противовес известному изречению Эпикура, по которому: когда есть мы, то смерти еще нет, а когда наступает смерть, то нас уже нет.

Если, как говорит об этом Борхес, «для бедного По чудовищным был сам факт существования», то описание кощунственного опыта, в результате которого смерть (или то, что под ней разумеется) остановлена «месмерическим воздействием», порождает «страх особого рода, и этот страх выражен в фабуле» [3: 60].

Ссылаясь на опыты науки, С. Рязанцев в указываемой нами главе своей книги приводит сведения, согласно которым при разрушении тела рассасываются квантовые оболочки, период полураспада которых равен 9-ти дням, а полного распада – 40-а суткам, и названные сроки совпадают со временем поминок по усопшим [См.: 8: 17–19]. Все это имеет место при условии, что не поступает информационно-энергетической подпитки, замечает автор работы о «науке умирания».

Внешнее воздействие держит героя По в пороговом (между жизнью и смертью) состоянии в течение примерно 210 дней. И утверждение о том, что «когда я говорю, через меня говорит смерть» [2: 43] более чем точно отражает то не поддающееся описанию состояние, в котором пребывает персонаж рассказа По: когда вновь вопрошают мосье Вальдемара, «кошмарный голос, рассказать о котором было бы безумием ... невозможно по той причине, что подобные звуки еще никогда не оскорбляли человеческого слуха»,

произносит: «Ради бога!.. скорее!.. усыпите меня, или скорее... разбудите! скорее!.. Говорю вам, что я умер!» [11: 369].

Попытка оживить тело приводит к полному разложению: «С языка, но не с губ страдальца рвались крики: “умер!”, “умер!”, все его тело – в течение минуты и даже быстрее осело, расползлось, буквально разложилось под моими руками. На постели перед нами лежала полужидкая, отвратительная, гниющая масса» [11: 369]. Словно подводя итог мучениям кумской прорицательницы, ставшей песком, или вернувшегося в «жидкое» (первоначальное) состояние героя-страдальца Эдгара По, звучат слова Мориса Бланшо: «пока я живу – я смертен, но стоит мне умереть, я перестаю быть способным умереть» [2: 61] или Абрахама а Санта-Клара, немецкого монаха-августинца XVII века: «Человек, который умирает до того, как умирает, не умирает, когда умирает» [Цит. по: 5: 66].

«Грань, отделяющая Жизнь от Смерти, в лучшем случае, обманчива и неопределенна. Кто может сказать, где кончается одно и начинается другое?» [11: 227], – задается вопросом герой другого рассказа По «Заживо погребенные». В то время как в герое первого рассказа искусственно поддерживают признаки жизни, несмотря на его собственную констатацию смерти («Я спал... а теперь... теперь я умер» [11: 397]), один из персонажей второго рассказа, мистер С., которого врачи объявили мертвым, «в отчаянии пытался вымовить, поняв, что попал в мертвецкую» [11: 219], что он жив. По приводит в рассказе некоторые примеры погребения заживо, почерпнутые из лейпцигского «Хирургического журнала» и других печатных органов, а также из рассказов современников. В основе всех этих вопиющих случаев невольной врачебной ошибки лежала болезнь, которой страдал и герой рассказа «Погребенные заживо», хорошо извстная медикам и получившая название летаргия или «малая смерть».

Когда человек впадает в летаргию, он напоминает мертвого – все функции организма снижаются до предела. Причиной летаргического сна является функциональное нарушение нервной системы. Во время летаргического сна замораживаются все функции организма, психическая деятельность, замедляются процессы старения. Известно, что летаргию вызывают простейшие паразиты – трипаносомы, которые переносятся мухой цеце (этот вид

сонной болезни называется болезнью Брюса, по имени ученого, определившего ее возбудителя). Другой пример летаргии – сонный энцефалит (или болезнь Экономa, по имени детально ее изучившего австрийского психиатра). Наконец, причинами летаргического сна могут стать не только функциональные нарушения нервной системы, вирус и трипаносомы, но и травмы и опухоль мозга, тромбоз мозговых сосудов [Об этом см.: 10: 319].

Зная о подверженности человека каталепсии и не наблюдая признаков распада, родные и друзья могут спасти больного от преждевременного захоронения. Успокаивая себя этим, герой рассказа, посвящая читателя в таинство болезни (со всеми симптомами которой автор рассказа знаком, можно сказать, на профессиональном уровне и, возможно, как предполагают некоторые из биографов По, эмпирически, сам будучи жертвой расстройства), старается все предусмотреть заранее, распорядившись так перестроить склеп, чтобы он содержал все мыслимые приспособления для комфортного в нем пребывания, а главное же – для немедленного, по возвращении к жизни, из него освобождения. Но «беспокойство, неуравновешенность – удел героев По. Их преследуют кошмары... им поистине не чужд ни один оттенок безумия, ни одна стадия помешательства» [4: 15]. И потому герой рассказа, несмотря на все предосторожности, не может избавиться от вязких мыслей об адских муках погребенного заживо и только «сильнейшее потрясение вызвало неизбежный перелом» [11: 226] в его рассудке, помогло сформировать и интегрировать стойкую мысль о возможности избежать преждевременного захоронения, а потом и навсегда «избавиться от страхов перед могилой, а с ними и от каталепсии, которая была скорее их следствием, нежели причиной» [11: 226].

Таинство жизни и смерти, их оппозиция, их связь занимали умы во все времена, занимают и в наше, новейшее, время. В тибетской книге мертвых «Бардо тходол» демонстрируются стадии сознания, связанные с процессом смерти и возрождения, где *бардо* (промежуточное состояние) внутриутробного состояния сменяется *бардо* момента смерти, затем завершается *сипей бардо* – выходом из состояния сансары в поисках нового рождения. Выражением универсальной темы смерти и возрождения являются и миф о Кецаль-Коатле, изложенный в «Кодексе Борджиа» месоамериканцев или

миф в «Керамическом кодексе» майя, повествующий о братьях-близнецах, попавших в Шибальду (царство мертвых), но восставших из мертвых и заработавших бессмертие [См. подробнее: 5: 116–126].

Английский поэт и проповедник Джон Донн, чьими последними словами миру были: «схватка со смертью», утверждал единство таинств, связывал таинство рождения (крещения, брака) со смертью, в своей проповеди говорил: «само наше рождение – это exitus a morte, исход из смерти, ибо в утробе матери мы мертвы, так как еще не знаем, что мы живем» [7].

В своих драматических рассказах «Колодец и маятник» и «Низвержение в Мальстрем» Эдгар По показывает exitus a morte, которые затем для других его героев станут лишь вратами (introitum in mortem) в другую смерть – «туда, где мы преданы многообразным смертям этого мира» [7].

Теория перинатальных матриц, на которых базируется учение Грофа, за полтора века до ее научного обоснования оказалась предсказанной и подробнейше описанной в рамках художественного текста (Об этом см.: Н. Гончар-Ханджян. Перинатальные матрицы в рассказе Эдгара По «Колодец и маятник»). Соединяя – вслед за Джоном Доном – появление на свет и уход из жизни, обрамляя своеобразной мистической рамкой свое творчество, в котором мучительно пытался разрешить терзавшие его проблемы, По создал тексты-палимпсесты, дающие возможности для новых и новых прочтений и толкований.

«Есть темы, проникнутые всепокоряющим интересом, но слишком ужасные, чтоб стать законным достоянием литературы» [11: 214], – так начинает По свой рассказ «Погребенные заживо» и сам же, нарушая табу, сделал эти темы ее достоянием, в своих рассказах отсылая нас к древним мифам и вместе с тем предвосхищая обращение к этим волнительным в сегодняшнем научном контексте вопрос.

Таким образом, классик американской литературы первой половины XIX века, По в своих рассказах касается вопросов, в которых пытается разобраться современная медицина и трансперсональная психология, в исследованиях по танатологии и перинатальной психологии ссылающаяся и на пророческие рассказы По за подтверждением и примером.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апулей.* Апологии. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. *Бланшо М.* Литература и право на смерть. – В кн.: М. Бланшо, В. Зомбарт, Э. Канетти. Тень парфюмера. – М.: «Эксмо», 2007.
3. *Борхес Х.Л.* Собр. соч в 4-х тт. – СПб.: «Амфора», 2001. – Т. 4.
4. *Брукс Ван Вик.* Писатель и американская жизнь. – М.: «Прогресс», 1971.
5. *Гроф С.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. – М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2008.
6. *Гроф С.* Холотропное сознание. – М.: «Ганга», 2006.
7. *Донн Дж.* Поединок со смертью // Перевод, предисловие и комментарии – Н.Н. Казанский, А.И. Янковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fugatemporis.com/russian/donne.htm1 (Дата обращения: 31.01.2020г.).
8. *Рязанцев С.* Танатология – наука о смерти. – СПб., 1994.
9. Павич М. Звездная мантия. – СПб.: «Амфора», 2001.
10. Полный словарь психоаналитика. – М.: «Эксмо», 2008.
11. *По Э.* Избр. произведения в 2-х тт. – М.: «Художественная литература», 1972. – Т. 2.
12. *Элиот Т.С.* Бесплодная земля. – М.: «Прогресс», 1971.

ԷԴԳԱՐ ՊՈՅԻ ՊԱՏՄՎԱԾՔԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՄԱՀԱԳԻՏԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՆԵՐՔՈ

Ն.Կ. Գոնչար-Խանջյան
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Բ.գ.թ., դոցենտ,
Արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ
Երևանի պետական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ինտերտեքստուալ տեսանկյունից դիտարկվում է 19-րդ դարի ամերիկյան ռոմանտիզմի ներկայացուցիչ Էդգար Ալան Պոյի «Ճշմարտություն այն մասին, թե ինչ կատարվեց պարոն Վալդեմարի հետ» քիչ հայտնի պատմվածքը՝ իբրև տեքստ-կրկնագիր, որը ծառայում է որպես գրողի թանատոֆոբիայի՝ մահվան վախի արտահայտման և սուբլիմացիայի միջոց: Զուգահեռներ են անցկացվում մահվան հետազոտություններին նվիրված ժամանակակից գիտական տեսությունների հետ:
Բանալի բառեր՝ Էդգար Պո, մահագիտություն, մեսմերիզացիա, փորձ, կյանքի և մահվան խորհուրդ, մարգարեական պատմվածքներ:

THE SHORT STORY BY EDGAR POE IN THE LIGHT OF MODERN THANATOLOGICAL THEORY

N. Gonchar-Khanjyan
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

PhD, Associate Professor,
Associate Professor at the Chair of Foreign Literature
Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

In this article, the little-known story of the representative of 19th century American romanticism, Edgar Allan Poe, «The Facts in the Case of M. Valdemar», is considered from an intertextual point of view, namely, as a palimpsest text that serves as an experimental training ground for the expression and sublimation of thanatophobia of the author himself. Parallels are drawn with modern scientific theory dedicated to the study of death.

Keywords: Edgar Allan Poe, thanatology, mesmerization, experiment, sacrament of life and death, prophetic stories.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 13 февраля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 28.03.2020 г.